

БИБЛИОТЕКА ШКОЛЬНИКА

В. В. Голявкин
МОЙ
ДОБРЫЙ
ПАПА

ВХОДИТ
В ПРОГРАММУ
ВНЕКЛАССНОГО
ЧТЕНИЯ

Виктор Владимирович Голявкин

Мой добрый папа

**Серия «Библиотека
школьника (РОСМЭН)»**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64499806

В. В. Голявкин. Мой добрый папа: ООО «РОСМЭН»; Москва; 2020

ISBN 978-5-353-09505-7

Аннотация

«Мой добрый папа» Виктора Голявкина – одна из лучших повестей о войне в детской литературе. Эта книга – о том, как жили дети в тылу и ждали возвращения своих отцов, пока те воевали на фронте. Печатается в последней авторской редакции.

Содержание

1. Я не хочу обедать	5
2. Соседи	14
3. На балконе	20
4. Мой папа идет дирижировать	25
5. Папа там, а мы здесь	31
6. Воскресенье	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Виктор Голявкин

Мой добрый папа

© В. Голявкин, наследники, 2020

© В. Минеев, иллюстрации, 2020

© ООО «РОСМЭН», 2020

* * *

Моему отцу посвящается

1. Я не хочу обедать

Я никогда не хочу обедать. Мне так хорошо во дворе играть! Я всю жизнь бы во дворе играл.

И никогда не обедал бы. Я совсем не люблю борщ с капустой. И вообще я суп не люблю. И кашу я не люблю. И котлеты я тоже не очень люблю. Я люблю абрикосы. Но вот мама зовет меня есть борщ, мне приходится все бросать: недостроенный дом из песка и Раиса, Расима, Рамиса, Рафиса – моих друзей, братьев Измайловых. Мой брат Боба любит борщ. Он смеется, когда ест борщ, а я морщусь. Он вообще всегда смеется и тычет себе ложкой в нос вместо рта, потому что ему три года. Нет, борщ все-таки я могу съесть. И котлеты я тоже съедаю. Виноград-то я ем с удовольствием! Тогда

и сажают меня за рояль. Пожалуй, я съел бы еще раз борщ. Только бы не играть на рояле.

– Ах, Клементи, Клементи, – говорит мама. – Счастье играть Клементи!

– Клементи, Клементи! – говорит папа. – Прекрасная сонатина Клементи! Я в детстве играл сонатину Клементи.

Папа мой музыкант. Он сам сочиняет музыку. Зато раньше он был военный. Он был командиром конников. Он скакал на коне совсем рядом с Чапаевым. Он носил папаху со звездой. Я видел папину шашку. Она здесь у нас в сундуке. Эта шашка такая огромная! И тяжелая! Ее трудно в руках держать, не то что махать во все стороны. Эх, был бы папа военный! Весь в ремнях. Кобура на боку. На другом боку шашка. Звезда на фуражке. Папа ездил бы на коне. А я шел бы с ним рядом. Все мне бы завидовали! Вон смотрите, какой Петин папа.

Но папа любит Клементи.

А я не люблю. Я люблю строить дом из песка, и друзей люблю, четырех братьев: Расима, Рафиса, Раиса, Рамиса. Что мне Клементи!

Я играю. И спрашиваю:

– Не хватит?

– Играй еще, – говорит мама.

– Играй, играй, – говорит папа.

Я играю, а брат сидит на полу и смеется. В руках у него заводная машина. Он оторвал от машины колеса. И катает

их по полу. И ему очень нравится. Никто ему не мешает. Не заставляет играть на рояле. И потому ему весело. Плачет он очень редко. Когда у него что-нибудь отнимают. Или когда его стригут. Он совершенно не любит стричься. Он так и ходил бы всю жизнь лохматый. На это он не обращает внимания. В общем, ему хорошо, а мне плохо.

Папа с мамой слушают, как я играю. Брат катает по полу колесики. За окном кричат четыре брата. Они кричат разными голосами. Я вижу в окно: они машут руками. Они зовут меня. Им одним скучно.

– Ну все, – говорю я, – все сыграл.

– Еще разик, – просит папа.

– Больше не буду, – говорю я.

– Ну пожалуйста, – говорит мама.

– Не буду, – говорю я, – не буду!

– Ты смотри мне! – говорит папа.

Я пробую встать. Убираю ноты.

– Я сотру тебя в порошок! – кричит папа.

– Не надо так, – говорит мама.

Папа волнуется:

– Я учился... я играл в день по пять-шесть часов, сразу после Гражданской войны. Я трудился! А он?.. Я его в порошок сотру!

Но я-то знал! Он меня не сотрет в порошок. Он так всегда говорит, когда злится. Он даже маме так говорит. Как может он нас в порошок стереть? Тем более что он наш папа.

– Не буду играть, – говорю я, – и все!

– Посмотрим, – говорит папа.

– Пожалуйста, – говорю я.

– Посмотрим, – говорит папа.

В третий раз я играю Клементи.

Наконец-то меня отпускают! Мой брат Боба идет за мной.

Он растерял все колесики. И ему теперь скучно.

На дворе меня ждут четыре брата. Они машут руками, кричат. Мой дом из песка разрушен. Весь труд мой пропал даром. И все из-за борща и Клементи! Дом разрушил Рафис – младший брат. Он плачет – братья его побили. Нечего делать! И я говорю:

– Ничего. Новый дом построим.

Я веду всех в магазин к дяде Гоше. Дядя Гоша – папин знакомый. Он нам все отпускает в долг. Он записывает на листке наш долг, а потом папа платит ему. Так хорошо! Папа так и сказал: отпускай им все. Что они захотят. Сколько им угодно.

Вот приходим мы в магазин. Дядя Гоша нам отпускает конфеты. Мы можем есть их сколько хотим. Потом папа за- платит.

Раис говорит:

– Я уже все съел.

Мы опять идем к дяде Гоше. И набираем еще конфет. Он говорит:

– Не много ли? Приходите еще.

– Непременно придем, – говорим мы.

Во дворе нас окружают ребята. Мы раздаем конфеты. Нам не хватает на всех конфет. Например, Керим без конфет, Маша Никонова и Сашок.

Мы опять идем к дяде Гоше.

– Пожалуйста, – просим мы, – извините. Но нам тут не

хватило конфет. Что же делать? Мы очень расстроены. Нам нужно еще чуть-чуть конфет. Чтобы всем хватило.

– Зачем чуть-чуть! – говорит дядя Гоша. – Берите! И приходите еще.

Он дает нам конфет, и все довольны. Теперь всем ребятам хватило конфет.

На улице стало темнеть. Фонари зажглись. Скоро небо будет в звездах. Такое в нашем городе небо. Наш город самый красивый. Хотя я не был в других городах. В нашем городе есть бульвар. Там море, корабли и лодки. И виден остров вдали. И нефтяные вышки в море. Я пошел бы сейчас на бульвар, но вы слышите? Мама зовет нас на ужин.

И я иду ужинать. Так целый день. Целый день должен я есть!

Я съел ужин, но это не все. Меня снова ведут к роялю. Папы нет дома, и я говорю:

– С меня хватит.

– Вот отсюда начни, – просит мама, – вот с этой строчки.

– Хватит с меня, – говорю я, – и все!

– Будем ждать папу, – говорит мама.

Приходит папа. Он весел. Он держит два больших ящика. В этих ящиках мандарины.

– В июне и вдруг мандарины?!

– С трудом достал, – говорит папа. Он открывает ящики. –

А ну! Налетайте, ребятки! Хватайте!

Мы налетаем, хватаем, смеемся. Папа смеется вместе с на-

ми. Ест мандарины. И говорит:

– Позовите всех.

Я зову братьев Раиса, Рафиса, Расима, Рамиса, мы угощаем их мандаринами. И ящики быстро пустеют.

Потом братья уходят, мама уносит пустые ящики. И говорит папе:

– Как с деньгами? Сумеем ли мы все же съездить на дачу? Хотелось бы. Лето проходит.

Я вижу, папа задумался. Он говорит:

– Может, мы сумеем. Но может быть, и не сумеем. Но если мы и не поедем, то не беда – жизнь и так прекрасна!

Но я-то знаю. На даче прекрасней. Там нет рояля. Там гранаты, айва, виноград, инжир... Там море без конца и края. Я люблю купаться в море! Я хочу на дачу! Там рядом станция, гудят паровозы. Там проходят разные поезда. А когда машешь им вслед – тебе тоже машут из окон вагонов. И еще там горячий песок, утки, курицы, мельницы, ослики...

Потом я засыпаю на стуле.

Сквозь сон слышу я голоса, все про дачу, про море, про лето...

А утром я просыпаюсь в кровати.

2. Соседи

Фатъма Ханум – тетя Фатъма, мама братьев Рамиса, Рафиса, Расима, Раиса. Как видит меня, каждый раз говорит: «Ах, Петька, Петька, совсем большой!» Она помнит, когда я был маленький. И теперь удивляется, что я большой. Раз-ве можно удивляться! Я ведь рос постепенно. Вот и сейчас, вышел я в коридор, а она говорит:

- Очень быстро растешь!
- Все растут одинаково, – говорю я.
- Расти, расти, – говорит она.
- Вас мама ждет, – соврал я.

Мама любит беседовать с Фатьмой Ханум. А Фатьма Ханум – с моей мамой. Они могут беседовать часами.

– Тетя Фатьма, пойдёмте к нам!

В который раз мама рассказывает! О том, как я потерялся. Они смеются. Но я не смеюсь. Что мне смеяться! Я много раз слышал. Раз сто или двести. Очень странные взрослые люди! Рассказывают одно и то же. Разве со мной так бывает? Каждый день у меня куча новостей. Что мне вспоминать старое? Когда кругом одни новости!

Я слышу их разговор.

Мама. Помню, он у меня родился, у него глаза были синие. А потом они стали совсем не синие. Какие-то серые. Так обидно! Вот ведь как бывает!

Фатьма Ханум. Быстро растёт...

Мама. Да, да, да, вот я и говорю... А когда он был маленьким, он был маленьким – вот таким... он тогда отправился гулять, он открыл сам дверь, вышел на улицу, он прошёл тогда весь город, наискосок весь город, и остановился в скверике; как сейчас помню, была суббота, играл оркестр и под оркестр плясали взрослые. Ему понравилось! Он стал вместе со всеми плясать, его и нашли в таком виде – руки в боки и пляшет!

Фатьма Ханум. Очень веселый ребенок!

Мама. Горе мне с ним.

Фатьма Ханум. У меня четыре.

Мама. Я и забыла!

Они смеются. Но я не смеюсь. Ничего нет смешного.

Тетя Фатьма говорит мне:

– А ну расскажи, как ты там танцевал?

– Я маленький был, – говорю, – и не помню.

– Очень быстро растешь, – говорит она.

– Сыграй-ка Клементи, – просит мама.

Но я не хочу играть Клементи.

– Твой папа учился, – говорит мама. – Сразу после Гражданской войны... Он играл по семь-восемь часов...

– Это я знаю, – говорю я.

– Ну хорошо, – говорит мама, – ну хорошо, тогда спой Фатьме песню.

Мама играет, а я пою:

Солнышко ясное,
Наша жизнь прекрасная!

Я пою с удовольствием. Я ору.

– Подожди, подожди! – кричит мама. – Сначала начнем, три... четыре!

Солнышко ясное,
Наша жизнь прекрасная!

Я пою во все горло.

– Нельзя ли потише? – просит мама. – Я не слышу рояля.

– Конечно можно, – говорю я, – но тогда какой смысл?

– Сначала, сначала! – кричит мама. – Нас ждет Фатьма!

Хорошо, в дверь постучали. Это старик Ливерпуль. Я сразу узнал. Только он так стучится. Он, когда пьяный, стучит тихо-тихо. Почти неслышно.

Он крутит перед лицом руками. Как будто делает мельницу.

– А где Володя? – говорит он.

– Он не пришел еще, – говорит мама.

– Он мне страшно нужен...

– Но его нет.

– Я хотел угостить его...

– Вы же знаете: он не пьет.

– Я знаю, но вдруг... он ведь мой сосед... он мне страшно

нужен...

– Ливерпуль, Ливерпуль, – вздыхает мама.

– Здравствуйте! – говорит он Фатьме Ханум.

– Здравствуйте, – говорю я.

– Здравствуйте, старик, – говорит он мне.

– Я не старик, – обижаюсь я.

– Это неважно, – говорит он.

– Как же неважно? – говорю я.

– Извините, – говорит он.

– Пожалуйста, – говорит мама.

– Я должен вам денег, – говорит он, – не могли бы вы мне

одолжить еще?

Мама ему дает бумажку.

– Я вам верну, – говорит Ливерпуль.

– Конечно, конечно, – говорит мама.

И старик Ливерпуль уходит.

У Ливерпуля тонюсенький детский голос, бородка крючком и лысая голова. Мама прозвала его Ливерпулем, хотя он имел другое имя. Он, кажется, был из Перу, каким-то случа-

ем попал в Россию и навсегда остался здесь жить.

Не люблю я, когда он пьяный. Он машет руками, качается. Словно вот-вот упадет. Стариком вдруг назвал меня. Вот новость!

Мама беседует с Фатьмой Ханум. Я смотрю в окно. Вижу брата. Он строит дом из песка.

– Что ты торчишь тут? – говорит мама.

– Так, ничего, – отвечаю я.

Я жду папу. Сейчас выйдет он из-за угла. У него полны руки гостинцев. Чего только нет там! И мандарины, большие оранжевые мандарины!

А папы все нету. Всегда так. Всегда его нету, когда я его жду. Но стоит мне отойти от окна – он появится.

3. На балконе

Я иду на балкон. Вижу девочку с бантом. Она живет вон в том парадном. Ей можно свистнуть. Она глянет вверх. И увидит меня. Это мне и нужно. «Привет, – скажу я, – тра-ля-ля-ля, три-ли-ли!» Она скажет: «Дурак!» – или что-то другое. И дальше пойдет. Как ни в чем не бывало. Как будто бы я не дразнил ее. Тоже мне! Что мне бант! Будто я ее жду! Я жду папу. Он мне принесет гостинцев. Он будет рассказывать мне про войну. И про разное старое время. Папа знает столько историй! Никто лучше не может рассказывать. Я слушал и слушал бы!

Папа знает про все на свете. Но иногда он не хочет расска-

зывать. Он тогда грустный и говорит: «Нет, не то написал я, не то, не ту музыку... Но ты-то! – он мне говорит. – Ты-то уж не подведешь, я надеюсь?» Мне не хочется папу обидеть. Он мечтает, чтоб я композитором стал. Я молчу. Что мне музыка? Он понимает. «Печально, – говорит он. – Ты представить себе не можешь, как это печально!» Почему печально, когда мне совсем не печально? Ведь папа мне не желает плохого. Тогда почему так? «Кем ты будешь?» – говорит он. «Полководцем», – говорю я. «Опять война?» – Папа мой недоволен. А сам воевал.

Скакал на коне, стрелял из пулемета...

Папа мой очень добрый. Мы с братом однажды сказали папе: «Купи нам мороженое. Но побольше. Чтобы мы наелись». – «Вот тебе таз, – сказал папа, – беги за мороженым». Мама сказала: «Они ведь простудятся!» – «Сейчас лето, – ответил папа, – с чего бы им простудиться!» – «Но горло, горло!» – сказала мама. Папа сказал: «У всех горло. Однако мороженое все едят». – «Но не в таком количестве!» – сказала мама. «Пусть едят сколько хотят. При чем тут количество! Больше они не съедят, чем смогут!» Так сказал папа. И мы взяли таз и пошли за мороженым. И принесли целый таз. Мы поставили таз на стол. Из окон светило солнце. Мороженое стало таять. Папа сказал: «Вот что значит лето!» Велел нам взять ложки и сесть за стол. Мы сели за стол – я, мама, папа, Боба. Мы с Бобой были в восторге! Мороженое течет по лицу, по рубахам. У нас такой добрый папа! Он столько

купил нам мороженого! Теперь нам не скоро захочется...

Двадцать деревьев посадил папа на нашей улице. Сейчас они выросли. Огромное дерево перед балконом. Если я потянусь, достану ветку.

Я жду папу. Сейчас он появится. Мне трудно глядеть
сквозь ветки. Они закрывают улицу. Но я нагибаюсь и вижу
всю улицу.

4. Мой папа идет дирижировать

Я слышу в комнате папин голос. Он дома, а я торчу на балконе!

А на столе-то! Печенье, два торта, две банки компота, замечательная любительская колбаса, ветчина и яблоки и другие вкусные вещи. Просто целый магазин!

– Вот так да! – говорю. – Как ты здесь очутился?

– Отстань от отца, – говорит мне мама, – он сегодня идет дирижировать.

Я видел однажды, как он дирижировал. Папа тогда взял меня с собой. Я сидел в большущем зале. Все глядели на сцену. На сцене был папа. Он стоял спиной к залу, лицом к оркестру. И кругом было тихо-тихо. Потом папа взмахнул

руками – и оркестр как грянет! Я даже вздрогнул. Я глядел на люстры, на людей. Я вертел головой и все время вставал. «Что ты скачешь?» – сказали мне. «Я не скачу», – сказал я. Меня вывели силой из зала. «Я с папой», – сказал я, – он дирижирует». – «А ты не врешь?» – «Что мне врать, – сказал я, – там мой папа». Меня привели прямо к папе. Спросили: «Ваш сын?» Мой папа мокрый от пота. И волосы папины были мокрые. Я смотрел на него и не мог понять: почему папа мокрый? Папа снял пиджак. Рубашка была тоже мокрой. Как будто его водой облили. Он сказал: «Вот какая работа...» Я был удивлен, не знал, что ответить. Все время твердил: «Пошли... пошли...» – и тянул папу за руку.

Громко плачет сейчас мой брат Боба. Он хочет, чтоб папа его взял с собой. Но папа его брать не хочет. Папа брал меня. С него хватит.

Папа. Я сегодня иду дирижировать!

Мама. Да, но эти заплатки...

Папа. Какие заплатки?

Мама. Ты забыл? Твои брюки с заплатками.

Папа. Я ведь стою спиной к людям!

Мама. Я ни при чем. Ты прекрасно знаешь! Помешанный на своих мандаринах! Всю зиму таскал ящики! Люди думают, ты сумасшедший!

Папа. Кто думает? Ты мне его покажи!

Мама. Все думают! Разве одни мандарины? Зачем два приемника? Два патефона?

Папа. Но их же двое? Пусть слушают музыку...

Мама. Очень им нужна твоя музыка!

Папа. Всем нужна музыка.

Мама. Но не в таком количестве!

Папа. Я ведь спешу... я сегодня иду дирижировать...

Мама. Ну так иди дирижируй!

Папа. Выходит, я не могу дирижировать!

Мама. Хоть раз в жизни купил бы кастрюльку!

Папа. Зачем мне кастрюлька? Сама покупай!

Мама. А, значит, я виновата?.. С моим больным сердцем... с таким человеком... как можно!.. Дай, Петя, воды...

Я бегу за водой в кухню. Даю маме пить. Ей становится лучше.

Мама. Пусть соседи скажут!

Папа. Я ведь иду дирижировать...

Мама. Пусть все соседи скажут!

Папа. Что скажут?

Мама. Пусть они скажут!

Папа вздыхает. Он говорит:

– Придется штаны одолжить у соседей.

Мама. Кто одолжит тебе свои штаны?

Папа. Ко мне прекрасно относятся. Все, абсолютно все! Например, Ливерпуль... нет, лучше я пойду к Али, он ко мне неплохо относится...

Мама мне говорит:

– Петя, слышишь? Вот твой папаша! Не будь таким! Будь

толковым. А то точно так же пойдешь в заплатках... куда-нибудь... дирижировать...

Я говорю:

– Я никуда не пойду дирижировать.

– Еще неизвестно, – говорит мама.

Папа мой говорит:

– Пойдем, Петя, со мной за штанами.

Мы идем с папой к дяде Али. Дядя Али – папа Измайлов. Он только что пришел с работы. Я видел его с балкона. Он мне улыбнулся. Конечно, он папе даст штаны. И папа пойдет дирижировать. Мне тоже нужно к дяде Али. Он обещал меня взять с собой, показать вышки, как бурят нефть и фонтан нефтяной. Хотя, правда, фонтан – редкость. Но, кто знает,

МОЖЕТ БЫТЬ, МНЕ ПОВЕЗЕТ.

5. Папа там, а мы здесь

Я, мама, Боба, старик Ливерпуль, дядя Али, Фатъма Ханум, Рафис, Расим, Раис, Рамис сидим у приемника. Сейчас папу объявят по радио. И заиграет оркестр. Папу не будет видно, но мы-то знаем: он там, на сцене; он дирижирует оркестром. Мы думаем здесь о папе, а он думает там о нас. Хотя там ему некогда думать, но это ничего не значит! Папа мой выступает по радио. Такого еще никогда не бывало!

- Долго ждать, – говорит Ливерпуль.
- Сейчас, сейчас, – волнуется мама.
- Молодец Володя, – говорит Фатъма.

В какой раз мама рассказывает:

– Я и не думала, он звонит вдруг по телефону, так и так, говорит, только что я узнал, меня будут транслировать. Я кричу: «Что транслировать?» Он отвечает: «Меня транслировать». Я говорю: «Каким образом?» Он говорит: «По радио». А я не пойму, ведь впервые... Когда поняла, волновалась!

– За такого человека, как Володя, – говорит Ливерпуль, – я с удовольствием выпил бы.

За него я готов всегда выпить.

– Опять все про то! – возмущается мама.

– Нет, за успех, – говорит Ливерпуль. – Я за успех... Я не просто так...

– Да прекратите вы, – говорит мама.

– Сейчас начнется!

– Нету там ничего, – говорит мой брат Боба.

– Там твой папа, – говорит мама.

– Где же папа, раз его нет?

– Суета сует, – говорит Ливерпуль.

– Вы опять пьяный? – говорю я.

– Тебя не касается, – говорит он.

– Так-то так, – говорю, – но все же...

– Понимаешь, со мной бывает. Не то чтобы каждый день.

Но довольно часто. Я не скажу, что это здорово. Наверное, даже плохо...

– Отвратительно! – говорит мама.

– ...но тут, брат, ничего не поделаешь. Такое, брат, дело.

Привык я – и все тут! Ну, ты не поймешь...

– Понимать-то нечего! – говорит мама.

– ...в общем-то, скверная штука. А главное, бесполезная.

Толку от этого нету. Ну, совершенно нет толку. Нисколько... Трудно сказать, зачем я это делаю. Но я делаю. И никому не советую...

– Да прекратите вы! – говорит мама.

– ...ты, брат, не думай, что я несчастливый. Я видел свет, много разных людей, а теперь я здесь с вами... Твой отец плавал на шхуне «Мария»... Шхуна была, я вам скажу! Таких шхун поискать на свете! Твой отец плавал юнгой. До великих событий. Потом эти события – он на коня. Командир эскадрона! Как в сказке!..

– Замолчите вы! – кричит мама.

– Таких людей, – говорит Ливерпуль, – как твой отец, очень мало на свете.

– Что такое, – вдруг говорит Али, – шкала на Париже?

– О! Париж! – говорит Ливерпуль. – Я там не был...

– Почему шкала на Париже? – говорит дядя Али.

– О каком Париже вы говорите? – говорит мама.

– О самом французском, – говорит он.

– Ой! – кричит мама. – Шкала на Париже! Приемник совсем на другой волне!

Мой брат Боба куда-то исчез. Конечно же это его рук дело! Каждый крутит приемник, ищут волну. Наконец-то! Мы

слышим гром оркестра.

– Какая досада! – волнуется мама. – Володю уже объявили!

– Ура! – кричу я. – Ура!

– Уррра!! – кричат братья Измайловы.

– Какая досада, – говорит мама. – Как можно! Ведь самое главное! – Маме обидно. Она ищет Бобу.

Боба лежит под кроватью. Он чувствует неладное.

– А ну выходи! – кричит мама. – Сейчас же!

Он не думает вылезать.

– Я жду! – кричит мама. – Давай вылезай!

– Оставьте его, – говорит Ливерпуль.

– Я ему покажу! – кричит мама. – Ведь он ненормальный!

– Я спрошу его, – говорит Ливерпуль. Он подходит к кровати и спрашивает: – Ты вареные калоши не ел?

– Не ел... – отвечает Боба.

– Тарелки в суп не крошил?

– Не крошил...

– Затылком ничего не видел?

– Ничего не видел...

– Какой же он ненормальный?! Вы слышите? Дай ему бог здоровья!

– Ливерпуль, Ливерпуль, – говорит мама, – вы мне ребенка калечите.

Братья Измайловы поют песню. Под мощный гром оркестра.

6. Воскресенье

В стену к нам постучали Измайловы. Мы всегда стучим к ним, а они стучат к нам. Это наша связь.

Я бегу к ним узнать, в чем дело.

Рамис, Рафис, Расим, Раис – в белых рубашках, в панамках и в синих сандалиях. Дядя Али говорит:

– Как Володя? Не хочет ли он прогуляться с детьми? Такой вечер! Вот мы готовы.

Мой папа спал. Но он встал сейчас же.

– Да, да, да! – сказал он. – Немедленно! Идем прогуляться!

Неожиданно!

Я ищу свой костюмчик. Мой брат Боба плачет. Он сам не

может одеться.

– В чем дело? – говорит мама.

– Скорей, – говорит папа, – вечер чудесный, Али ждет нас, дети ждут, я пойду умоюсь...

Мой папа идет умываться.

– Я не пойму, – говорит мама, – он же спал...

Папа мой одевается. Я одеваю Бобу.

– Сумасшедшие! – говорит мама.

Вот и тетя Фатьма. Она нас торопит. У них разговоры с мамой. Им гулять некогда. Им нужно поговорить. Все кругом им мешают, не дают разговаривать.

Мы идем на бульвар всей компанией. У нас замечательная компания! Разве лучше бывают компании? Четыре моих лучших друга – в белых рубашках и синих сандалиях. А я в красных сандалиях, а Боба в коричневых. Боба несет заводной паровоз, а Рафис винтовку. У него замечательная винтовка. Ее сделал дядя Али. Он все может сделать – стул, стол, табуретку... У нас в прошлом году была елка огромная. Мы стали ставить ее – ну никак! – все время падает. «Крест надо, – говорит папа, – где я возьму его?» Мы опять ставим елку в бочонок, а елка падает. Входит дядя Али, говорит: «У вас доски есть?» Мы говорим: «Какие доски?» – «Деревянные», – говорит он. Я принес две дощечки. А он говорит: «Толще есть?» Я говорю: «Толще есть». Он говорит: «Тащи их». Он берет доски: раз-два – и крест готов. Мы удивились! Соседи у нас просто редкие. Мы к ним ходим. Они ходят к

нам. Папа музыке учит Раиса, Рамиса, а Расим, Рафис еще маленькие. А то их папа тоже учил бы.

Мы идем на бульвар всей компанией.

А на бульваре народу! Море как зеркало. Играет музыка. Папа держит меня крепко за руку, а я иду по барьеру. А за барьером море. Там катают на катере.

– Кто со мной? – говорит папа. Он идет первый на пристань.

Мы садимся в катер. Мотор тарахтит, и мы едем. А я сижу с гармонистом. Он всю играет. И поет просто здорово:

Любимый город может спать спокойно...

Я тоже пою, поют братья Измайловы. Все поют.
С моря город наш весь в огнях. Будто фейерверк. Очень

красиво!

Только жаль, мало катались.

– Еще хотим! – кричат братья Измайловы.

Катер подходит к пристани.

Брат мой Боба схватился за поручни. Еле-еле его оторвали.

Он идет и ревет на весь бульвар.

– Прекрати, – кричит папа. – Мне не нравится!

Мы заходим в тир.

Папа с дядей Али стреляют. А нам не дают. Мы стоим смотрим, даже не просим. Мы знаем, нельзя мешать, люди целятся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.